

СЛЕПЦОВ ПОД АРЕСТОМ ПО ДЕЛУ КАРАКОЗОВА

I. ПОЛИЦЕЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ АРЕСТЕ

II. БУМАГИ, ВЗЯТЫЕ ПРИ ОБЫСКЕ

Публикация М. Л. Семановой

В записке министра внутренних дел Валуева, адресованной 30 апреля 1866 г. в Следственную комиссию по делу Каракозова, читаем: «В видах более успешного разыскания о личности, покушавшегося на жизнь государя императора преступника было бы не бесполезно обратиться к исследованию той общественно-литературной среды, в которой способна получить развитие мысль о царубийстве»¹. Министр, однако, опоздал со своей инициативой. Идея полицейского «исследования» общественно-литературной среды еще раньше возникла у самих руководителей политического розыска. Весь апрель шли аресты. 30 апреля, в день, когда Валуев писал свою записку, в числе других был арестован и Слепцов.

«Времена теперь тяжелые,— записал в дневник 6 мая 1866 г. Ф. М. Решетников.— Елисеев, Слепцов, Минаев, Василий и Николай Курочкины взяты»². «Аресты самые безобразные, самые беспричинные продолжают,— писали в «Колокол» из Петербурга,— <...> Шпионов бездна здесь, много отправлено в Москву, в провинции и в чужие края <...> Ждут раскрытия заговора <...> Из лиц известных арестованы: Благодетель (в самом начале), Зайцев, Курочкины, Худяков, полковник Лавров, Елисеев, Европеус с женой и его брат, Ковалевский, Слепцов; арестовано много девиц и женщин (нигилисток)»³. Хотя многие, в том числе Слепцов, Курочкин и Минаев, были через некоторое время освобождены, но знаменателен самый факт, что на них смотрели, как на представителей той питательной среды, в которой вырастают антиправительственные идеи.

В приговоре Верховного суда по делу Каракозова 24 сентября 1866 г. специально указывалось, что судебным следствием обнаружено существование еще с 1863 г. кружков молодых людей, «зараженных социалистическими идеями». В целях распространения и осуществления этих идей на практике юные приверженцы их устраивали без разрешения правительства различные ассоциации, как-то: переплетные, швейные заведения, общества переводчиц и переводчиков. «Роман этого преступника <Чернышевского> „Что делать?“ имел на многих из подсудимых самое губительное влияние»⁴.

Удивительно ли, что в протоколе допроса Слепцова видное место занимает вопрос об организации писателем «общей квартиры»? Кстати, документы Следственной комиссии по делу Слепцова уточняют время существования «Знаменской коммуны»: с 1 сентября 1863 г. по 1 июня 1864 г. Они уточняют и другие факты биографии писателя. Так, мы узнаем даты: его ареста — 30 апреля; допросов — 2 мая, 8 июня; свиданий с матерью — 22 мая, 3, 12, 16 и 18 июня; дату освобождения — 18 июня 1866 г.⁵ Мы находим здесь не только подтверждение тому, что Слепцов был болен во время заключения в тюрьме, но что с помощью матери он обращался к М. Н. Муравьеву с просьбой разрешить ему заниматься в тюрьме литературной работой.

Акт

Шкода апреля 30 дня, в помещении психиатри-
ческой больницы при Государственном Высшем учебном
заведении в Москве при 3. Сидорове
Кларе Капитанов Павлович, с Старшим Помощ-
ником Медицинским 1. Сидоровым Николаем Пав-
ловичем, в присутствии председателя Совета
участников в присутствии председателя
назв. № 3 в 4. Квартиру доктора Васильева
откуда Сидорова, а также Сидорова с Сидоровым
всем присутствующим от имени учеников
и писем Сидорова от Сидорова по имени
для расхождения имени в означенном Ко-
миссии и с Сидоровым направлением Кларе-
сиды а также Сидорова. Сидорова на основании
сего Акт. Кларе Капитанов Павлович
Сидорова Капитанов Павлович Сидорова

Обр. сего подписан Сидоровым Николаем Павловичем
на основании Сидорова
Сидорова
Сидорова
Сидорова

АКТ ОБ АРЕСТЕ СЛЕПЦОВА 30 АПРЕЛЯ 1866 г.
Архив Октябрьской революции, Москва

полицию. Были у нее в подозрении и образованные девушки, работавшие в подобных магазинах, мастерских, типографиях ¹¹.

Известно, что Слепцов сохранил до 1870-х годов дружественные отношения с Ворониной, помогал ей печататься в «Отечественных записках», переписывался с нею ¹². На допросе в III Отделении он оградил Воронину и Гайдебурова от обвинений, сведя все «дело» с письмом к чисто личной переписке Ворониной с ее матерью и с его, Слепцова, родственниками ¹³.

Между тем и спешный отъезд Ворониной из Петербурга, когда шли интенсивные аресты, и работа ее у Гайдебурова, бывшего в 1860-е годы на дурном счету у полиции, и дружеские отношения со Слепцовым, явная тревога в этот момент за него, — все это имело, быть может, не такой чисто «личный» характер, как показал на следствии Слепцов.

Названный писателем среди близких знакомых — дядя его, П. В. Слепцов, — был мировым посредником Сердобского уезда, лицом, надо полагать, находившимся вне подозрений полиции. Однако если бы жандармы, допрашивавшие Слепцова, внимательно прочитали взятые с бумагами писателя письма дядюшки к племяннику, то они могли бы почерпнуть для политической характеристики последнего некоторые не лишние интереса сведения. «Ты говоришь, — пишет, например, П. В. Слепцов 5—6 декабря 1865 г., — что спор наш будет продолжаться до скончания кого-либо из нас». Нет сомнения, что здесь идет речь о коренном различии их взглядов вообще и, может быть, на реформы, на институт мировых посредников, в частности.

По-видимому, дядюшка был осведомлен об участии Слепцова в «Искре», так как сообщает ему, что ожидает получения этого журнала. Наконец, явной уликой для арестованного мог служить и такой постскриптум в письме П. В. Слепцова: «Угодил ли я, что написал письмо по твоей методе без заглавия и подписи?» ¹⁴. Вспомним, что по этой же методе писала Слепцову Воронина письмо, попавшее в III Отделение.

Из письма его к М. А. Маркович становится ясно, почему он просил своих корреспондентов прибегать к такому приему и сам пользовался им: «Когда будете писать, не называйте, пожалуйста, фамилии, потому что ваши письма читаются на почте. Люди ни в чем невинные могут пострадать от того, что их имена попадают в письмах, несмотря на то, что переписка наша очень невинна; да и подпись ваша вещь совершенно лишняя» ¹⁵.

Вот эта забота о том, чтоб оградить от подозрения людей близких, чувствуется и в ответах Слепцова на допросе. Оберегает он и себя от возможных обвинений. Так, например, он категорически отрицает знакомство с одним из опасных, с точки зрения полицейских чиновников, «нигилистов» — Н. Д. Ножиным — и утверждает, что знает лишь в лицо близкого приятеля Ножина — И. А. Худякова: «С Ножиным я совершенно не был знаком, а видел его один раз в фруктовом магазине и не говорил с ним ни одного слова». Отрицать это знакомство было не так сложно: Ножин умер накануне каракозовской истории (3 апреля 1866 г.), что, разумеется, было известно Слепцову. Но трудно представить себе, что, будучи близко знаком с другом Ножина и Худякова — Н. Курочкиным ¹⁶, с врачом Малаксиановым, лечившим Ножина, сотрудничая в «Искре», где в 1865 г. помещал статьи и Ножин, Слепцов не знал этого весьма заметного в прогрессивных кругах человека. «Каракозовец» В. А. Черкезов называет среди знакомых Ножина и Слепцова ¹⁷.

Равно следует поставить под сомнение и «правдивость» ответа Слепцова на вопрос, где находятся книги, полученные от графини Сальяс. Из трех книг об одной — работе Прудона — он говорит явно уклончиво: «...заглавие <...> не припомню», «Прудона я отдал кому-то, но кому именно не помню». Между тем речь, по-видимому, идет о брошюре П. Прудона «Искусство, его основное и общественное назначение». Перевод под ред. Н. Курочкина. СПб., издание переводчиков, 1865. И дело не столько в Прудоне, сколько в Н. Курочкине, к которому в Следственной комиссии, как к другу каракозовца Ножина, отнеслись особенно сурово. В этой ситуации назвать книгу, в которой Курочкин выступал не только переводчиком, редактором, но и автором предисловия, было бы неосмотрительно.

Книжка, вышедшая без предварительной цензуры, явно предназначалась для того, чтобы вызвать ассоциации у читателя со многими острыми вопросами современности. «Силою обстоятельств, — писал Курочкин в предисловии, — вопрос об искусстве и полемика об нем были выдвинуты у нас в последнее время на первый план, или, лучше сказать, область искусства была у нас недавно чуть ли не единственною областью, в которой пишущие могли высказывать с большею свободой свои идеи и мысли; с реформою печати все это, конечно, мало-помалу должно измениться, но теперь некоторые места из предлагаемой нами книги могут рассматриваться как последнее слово наших споров, нашей полемики».

В предисловии идет речь не столько о взглядах Прудона, в которых автор не видит для русских ничего нового, сколько о деятельности Белинского (сравнение с Прудоном делается в пользу Белинского), Чернышевского (он назван здесь «автором „Эстетических отношений искусства к действительности“»), «покойного Добролюбова». Курочкин достаточно прозрачно намекает на то, что они имеют в настоящее время последователей. «Эти взгляды существуют и теперь». Признаком здорового вкуса он считает симпатии к писателям-реалистам, «отрицателям» — Грибоедову, Гоголю — и резко осуждает теорию и практику «чистого искусства». «Пусть люди недалековидные или недобросовестные торжествуют мнимое воскресение в нашей литературе теории „искусства для искусства“, число дешевых адептов которой так значительно расплодилось у нас в последние годы незавидного положения журналистики; напускное торжество их непродолжительно; в сфере мысли — удел всему гнилому и мертвому одна смерть».

Само содержание этого предисловия говорит за себя. Этот документ, надо полагать, совершенно сознательно не был назван Слепцовым в протоколе допроса.

Протокол этот дает нам возможность узнать фамилии людей, близких к Слепцовой коммуне. Кроме названных выше (см. вступительную статью к материалам о коммуне), здесь упоминаются самим ее организатором имена общих знакомых «коммунаров»: известный ученый, публицист А. Н. Энгельгардт и жена его — А. Н. Энгельгардт, писательница, переводчица, активная деятельница в области создания переводческих издательских женских артелей; М. Г. Ермолова, также поборница женского труда и образования; известный А. И. Европеус и жена его Э. В. Европеус, находившаяся под надзором полиции за распространение лондонских изданий; известный литератор-этнограф С. В. Максимов, в 1860-е годы привлекавшийся к дознанию за сношения с лондонскими пропагандистами; публицист А. Ф. Жохов; педагог, бывший петрашвец Ф. Г. Толл.

Не удалось установить, о каком Семенове упоминает Слепцов. Не до конца ясна роль в коммуне Бекмана, в доме которого на Знаменской улице помещалась коммуна. Брат «землеольца» Я. Н. Бекмана, одного из организаторов Харьковского тайного общества, «домовладелец» Бекман вызывал, вероятно, небезосновательные подозрения полиции. «Образ мыслей домовладельца Бекмана не многим отличается от образа мыслей его брата. Для прикрытия своего сочувствия к тому обществу, которому он дал приют в своем доме, Бекман заявлял в начале свое опасение на вредное направление своих жильцов, но впоследствии объявил, что, ознакомившись с ними ближе, он не находит в направлении их ничего особенно вредного»¹⁸. Не было ли договоренности у Слепцова с Бекманом именно о такой «линии поведения», так как заранее можно было предположить, что полиция заинтересуется коммуной? О возможности такого предположения говорит настойчивая ссылка Слепцова в протоколе допроса на такого «достоверного» свидетеля, как Бекман.

В заключение нужно отметить, что статский советник Зеленой и штабс-капитан барон Розен, подписавшие акт осмотра бумаг, взятых при обыске у Слепцова, были, к счастью, не очень внимательны. Они не нашли в них «ничего ни подозрительного, ни серьезного». Бумаги «в простыне № 31» были осмотрены очень поверхностно. «Провинциальная хроника», предназначавшаяся Слепцовым для «Искры», статья «После 19 февраля 1861 г.», записная книжка писателя, этюд «Ненастный день» и другие слепцовские рукописи были определены как «разные статьи» для «Современника» и отнесены к «первым опытам молодых писателей и поэтов».

I. ПОЛИЦЕЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ АРЕСТЕ

1

ПОЛИЦЕЙСКИЙ АКТ, СОСТАВЛЕННЫЙ КАПИТАНОМ ПАНЮТИНЫМ ОБ ОБЫСКЕ И АРЕСТЕ СЛЕПЦОВА

⟨30 апреля 1866 г.⟩

1866 апреля 30 дня в половине пятого утра состоящий при председателе высочайше учрежденной Следственной комиссии при III Отделении гвардии капитан Панютин, со старшим помощником надзирателя 1 квартала Московской части поручиком Андреевым, прибыли в дом Ляхачева, состоящий по Владимирскому проспекту под № 3-й, в квартиру дворянина Василия Алексеева Слепцова, производил строгий осмотр в его имуществе, где найденные у него бумаги и письма, опечатав его, Слепцова, печатью, взял для рассмотрения оных в означенную комиссию, а самого Слепцова по приказанию начальства арестовал. О чем на месте составлен сей акт.

Гвардии капитан П а н ю т и н
Дворянин Василий Алексеев С л е п ц о в
При сем находился студент Михаил Ш е р ш е в с к и й
При сем находился заведывающий домами ⟨подпись нрзб.⟩
При сем находился старший помощник надзирателя
поручик А н д р е е в

2

ЗАПИСКА СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ О РАССМОТРЕНИИ БУМАГ, ВЗЯТЫХ ПРИ ОБЫСКЕ У СЛЕПЦОВА

⟨1 мая 1866 г.⟩

1866 года мая 1 дня рассмотрены бумаги, взятые при обыске, произведенном по распоряжению его сиятельства графа Муравьева у дворянина *Василия Слепцова*. В бумагах оказались разные статьи, как бывшие в печати в «Современнике», так и не напечатанные; последние принадлежат к первым опытам молодых писателей и поэтов и не заключают ничего ни подозрительного, ни серьезного.

Письма от также молодых писателей с просьбами рассмотреть и содействовать к напечатанию.

Никакой другой переписки нет.

Фотографические карточки *, между которыми есть портрет г-жи Евупеус.

Статский советник З е л е н о й
Штабс-капитан барон Р о з е н

3

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СЛЕПЦОВА В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЧАСТИ

⟨8 июня 1866 г.⟩

1866 года июня 8 дня в высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии дворянин Василий *Слепцов* на предложенные ему вопросы показал:

* В архиве не обнаружены.— Ред.

Вопросы

Ответы

1

Как ваше имя, отчество, фамилия, сколько вам от роду лет, из какого звания происходите и какой губернии уроженец, какого вы вероисповедания, бываете ли ежегодно на исповеди и у св. причастия и если не были, то почему?

Где вы получили воспитание; не были ли на службе, когда поступили на службу, когда оставили оную и по какой именно причине? Холосты вы или женаты, на ком, имеете ли детей, какого они вероисповедания и возраста, где находятся ваша жена и дети, есть ли у вас, родителей ваших или у жены недвижимая собственность, где и какая именно? Не были ли под судом или следствием, по какому поводу, где дело производилось и чем кончено?

2

С какого времени вы живете в Петербурге, где и когда прежде жили, в чем состояли и теперь состоят ваши занятия, какие имеете средства к жизни?

Кого вы имеете близких знакомых в Петербурге или других местах и с кем из них состоите в переписке?

Василий Алексеев Слепцов, двадцать девять лет, дворянского звания, Саратовской губернии, исповедания православного, <на исповеди и у св. причастия> бываю ежегодно, нынешний год не был по болезни. Воспитание получил в Московском университете, был на службе в канцелярии московского гражданского губернатора, поступил в 1857 году, вышел в отставку в 1862 по домашним обстоятельствам.

Женат на дочери поручика Языкова, Елизавете Николаевне, имею дочь 3 с $\frac{1}{2}$ лет, исповедания православного, жена и дочь мои находятся в Москве, у родителей моих (у матери) есть недвижимое имение в Саратовской губернии в Сердобском уезде — земля.

Под судом и следствием не был.

Василий Алексеев

С л е п ц о в

Живу в Петербурге с 1862 года. Прежде жил в Москве, средства к жизни получал от матери, а впоследствии стал зарабатывать литературным трудом: в 1862 году по прибытии в Петербург отдал статью «Письма об Осташкове» в «Современник», но вследствие временного прекращения этого журнала работал в «Северной пчеле», затем с 1863 года снова в «Современнике»; писал очерки, рассказы и сцены большею частью из народного быта.

Ближние знакомые мои: Головачев, Малаксианов, Воронина и дядя мой Слепцов (живущий в Сердобском уезде), с последними двумя состою в переписке.

Кроме этих лиц, знаю в лицо многих из литераторов, но не знаком с ними, в том числе знаю Худякова, которого видал в книжных магазинах; несколько ближе знаком с главными сотрудниками «Современника», которых видал в редакции этого журнала; у некоторых из них бывал, но редко,

Вопросы	Ответы
---------	--------

3

Из дела видно, что вы были в близких сношениях с Ножиным Николаем.

Комиссия требует от вас объяснения: когда и по какому случаю вы с ним познакомились, в чем именно состояли ваши сношения с ним, часто ли вы виделись и в чем состояли ваши разговоры с ним?

4

Из дела видно, что вы занимали квартиру в доме Бекмана, с несколькими лицами, объясните, с кем именно и по какому случаю была у вас с ними одна общая квартира?

а именно: у Пыпина, Антоновича, Елисеева и Жуковского.

Василий С л е п ц о в

С Ножиным я совершенно не был знаком, а видел его один раз в фруктовом магазине и не говорил с ним ни одного слова.

Василий С л е п ц о в

Я действительно нанимал с 1 сентября 1863 по 1 июня 1864 года на свое имя большую квартиру в доме Бекмана; в этой квартире жили со мною мои знакомые: Головачев, Языков, Ценина, Коптева, Маркелова, княжна Макулова. Цель этой общей квартиры была чисто экономическая: мы имели в виду удобное и дешевое помещение, которого никто из нас не мог иметь, живя отдельно. Но особенной выгоды от этого мы не имели, потому что никогда квартира не была наполнена совершенно; так, например, вначале жили мы вчетвером: я, Головачев, Маркелова и Ценина (с детьми), потом поселилась к нам Коптева; затем Коптева и Ценина съехали, а вместо них жила месяца три Макулова; после того Маркелова съехала и переехал к нам Языков, брат моей жены. Таким образом видно, что все семеро вместе мы никогда не жили и вообще наше общее хозяйство не имело коммунистического характера, а было основано чисто на выгоде, что может засвидетельствовать хозяин дома г-н Бекман, который вначале, пока не был знаком с нами, — подозревал в нашем хозяйстве что-то предосудительное; но именно вследствие этого подозрения г-н Бекман сблизился с нами всеми и бывал у нас очень часто с целью узнать короче цель нашего сожития, и я уверен, что он может засвидетельство-

[illegible]

ПОКАЗАНИЯ СЛЕПЦОВА, ДАННЫЕ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
8 ИЮНЯ 1866 г.

Лист первый

Архив Октябрьской революции, Москва

Вопросы

Ответы

вать, что ничего ни безнравственного, ни противузаконного у нас не было. Г-н Бекман бывал у нас, кроме того, и по вторникам и видел всех наших знакомых. Мы назначили особые дни для посещения нашим знакомым для того собственно, чтобы они не мешали нам в наших занятиях, так как все мы снискивали себе пропитание трудом. Всех знакомых наших, бывавших у нас по вторникам, я не припомню, многие из них бывали у нас с женами, что служит также доказательством того, что безнравственного у нас ничего не было. Лица эти были следующие: Лермантов с женою, Энгельгардт с женою, госпожа Ермолова, Александр Иванович Европеус с женою; кроме того, бывали: Толль, Левитов, Максимов, Жохов, Семенов, Успенский, а знакомых других лиц, живших со мною, я всех припомнить не могу, тем более, что знакомые эти постоянно менялись и никакого кружка не составляли, что также может засвидетельствовать г-н Бекман, равно и то, что на этих собраниях никаких противузаконных разговоров не происходило.

Василий С л е п ц о в

5

Какие именно бумаги были переданы вам отставным подполковником Соколовым, когда это было и где находятся эти бумаги?

Г-на Соколова я знаю, как многих писателей, но близко знаком с ним никогда не был и бумаг от него никаких не получал.

Г-на Соколова, сотрудника «Русского слова», я видел раза два или три у Малаксианова.

Василий С л е п ц о в

6

В чем состояли сношения ваши с графинею Сальяс и Альбертини, когда и по какому случаю вы познакомились с ними?

Я познакомился с графинею Сальяс в Москве, в 1861 году, как с редактором газеты «Русская речь», в которой я состоял сотрудником, по отъезде же графини Сальяс за границу я в 1863 году состоял с нею в переписке, по поводу денег, которые она просила меня получить с г-на Боборыкина, и затем переписка моя с нею прекратилась.

Вопросы	Ответы
---------	--------

С Альбертини я был знаком около того же времени, но в близком знакомстве с ним никогда не был и видался с ним не более одного раза в год и притом случайно. Боборыкин был издателем журнала «Библиотека для чтения», графиня Сальяс была сотрудником этого журнала и просила меня получить деньги от Боборыкина за свою работу; но денег этих я получить не мог и затем переписка моя с гр. Сальяс прекратилась.

Василий Слепцов

7

Какие именно книги вы получали через Альбертини от графини Сальяс и где находятся эти книги?

От графини Сальяс я получил сочинение о спиритизме Аллана Кардека, книгу Ренана «La vie de Jesus» и одну из последних брошюр Прудона, заглавие которой не припомню.

Книги эти лежали очень долго (с полгода) у Альбертини запакованные, и какие это книги—он, вероятно, не знал. Не отдавал он мне их потому, что мы с ним очень редко встречались; наконец, он мне их прислал. Книг этих я от графини Сальяс не выписывал, но думаю, что этою присылкою она хотела мне сделать любезность. Из этих книг, соч. Кардека находятся у меня, книгу Ренана я отдал матери моей, которую она уничтожила, а Прудона я отдал кому-то, но кому именно не помню.

Василий Слепцов

4

ТЕЛЕГРАММА ПРИСТАВА АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЧАСТИ В III ОТДЕЛЕНИЕ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ СЛЕПЦОВА

(18 июня 1866 г.)

Содержащийся в Александро-Невской части за III Отделением дворянин Василий *Слепцов* вследствие депеши сего числа отослан в Литейную часть для отдачи матери его с учреждением за ним полицейского надзора.

Константиновский

Документы печатаются по делу «Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии. О дворянине Василии Слепцове». При сем следуют бумаги в простыне № 31. Начато 30 апреля — кончено 17 июня 1866 года» (ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 278, лл. 1, 2, 6—13, 15).

В том же деле имеются: прошения к М. Н. Муравьеву матери писателя — Ж. А. Слепцовой — о разрешении Слепцову работать в заключении (14 мая), об ускорении допроса (6 июня), о разрешении взять его на поруки (14 июня) и телеграмма из штаба корпуса жандармов об отправке Слепцова из 2-го сухопутного госпиталя обратно в Александро-Невскую часть (23 мая).

В деле 278 есть ссылка на дело 172, в котором находим следующую черновую записку:

«Из лиц, составляющих это опасное по его крайней безнравственности общество, известны до сих пор коллежский регистратор Василий *Слепцов*, тверской помещик Аполлон *Головачев*, коллежский секретарь Владимир *Языков*, княжна Екатерина *Макулова*, жена губ. секр. Екатерина *Цапина* <Ценина> и дочь коллежского советника девица *Меркулова* <Маркелова>. Лица эти прибыли в дом Бекмана в октябре прошлого года из 1-го квартала Васильевского острова.

Подробностей о настоящих действиях их еще нет, но известно, что квартира их состоит из 11 комнат, и по вторникам у них собирается до 20 человек молодежи обо-его пола.

Учредив за деятельностью этих вредных людей самое неослабное наблюдение, долгом считаю донести о сем вашей светлости предварительно, покорнейше прося сохранит секрет впредь до обнаружения мною положительных данных к их обличению» (ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 172, л. 100).

Имена Слепцова, А. Головачева, «домовладельца Бекмана», Д. Минаева и других упоминаются в этом деле и на лл. 16 (среди лиц, «значащихся в заявлениях» «по поводу злодейского покушения на жизнь государя императора 4 апреля 1866 г.»). 117—118 об. и в докладных записках В. А. Александровской.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

В воспоминаниях матери Слепцова были строки, не пропущенные цензурой при опубликовании их в «Русской старине» (1890, № 1) и сохранившиеся в рукописи. Ж. А. Слепцова рассказывала об аресте сына: «...самый ужасный период его жизни — это погром петербургский, каракозовский период и муравьевская сила, где начались сильные аресты; почти весь „Современник“ был арестован. Я в это время была в Петербурге и страшно боялась за моего сына. Прихожу раз к нему, он не один, я раскрыла его альбом — и стала вынимать карточки уже арестованных. В. А. заметил, подошел и сказал: „Нет, не надо вынимать; я литератор и мало ли кого знал“. Я его спросила: „А если тебя арестуют, то как мне поступить“; он, чтобы меня успокоить, с милой улыбкой ответил: „Да за что? Ну, а если и арестуют, то через дня два выпустят, и я вам переешлю ключи через студента Ш., который живет против моего №“ (он квартировал на углу Невского и Владимирской, в доме Лихачева). Я ушла, но на другой день в 8 часов утра позвонил в мою квартиру студент Ш. и сказал: „Ключи я вам принес, В. А. в 3 часа ночи арестовали и отвезли в Александровскую часть“. Я чуть не упала; хорошо знала Муравьева и его безмилосердие, да и не знала я вины сына моего; но тут же отправилась в Александровскую часть, думая что-либо узнать, да и передать ему что-либо питательное, зная его плохое здоровье. Но меня квартальный и частный приняли ужасно неприветливо и ответили, что здесь никого не привозили, хотя я на окошке видела его вещи с № и фамилией; отправили меня в III Отделение, где прекрасный майор Бабушкин по книге отыскал фамилию сына и сказал, что он в Александровской части и что нужно, чтобы я опять явилась и просила генерала Мезенцева, и вот я всякий день, два раза в день ходила в III Отделение. Письма я получала, свидание не позволяли. Я всякий день приходила через частный двор и смотрела в окна с решетками и раз увидела в форточку В. А., и он и я — как мы обрадовались; но одна минута, и частный велел удалиться. Помещение В. А. было ужасно, грязная комната в 3 аршина, вся оплеванная, кровать полна клопов и мешок набит трухой сенной, и 10 коп. в сутки, и на ночь ушат под названием параша, а из окна смрад. Ни книг, ни бумаги. Я поехала к дяде Бутурлину, который хорошо был знаком с Муравьевым. Дядя, хотя больной, но поехал к Муравьеву, который его успокоил, что его внук в дурных делах не замешан, но все же его продержали 7 недель и отдали мне его на поруки, больного, с опухшими ногами, оглохшего, исхудалого; вот арест-то его и свел в преждевременную могилу» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2584, л. 7).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «О вредном направлении некоторых журналов и о лицах, в них участвующих». — ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 279, л. 4.

² Ф. М. Решетников. Дневник. — «Литературное наследство», т. 3, 1932, стр. 181.

³ «Из Петербурга». — «Колокол», 1866, № 221, от 1 июня, стр. 1806; А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XIX. М., 1960, стр. 84.

⁴ «Гласный суд», 1866, № 4, от 5 октября.

⁵ Дело III Отделения «О покушении на жизнь государя императора, ч. 15. По просьбе арестованных лиц в дозволении им иметь свидание с родными» (ЦГАОР, ф. 109, 1866 г., 1 эксп., д. 100, лл. 14, 19, 25, 28; ч. 50 — «О Ворониной и Слепцове», телеграмма ген. Мезенцева смотрителю госпиталя 22 мая 1866 г., л. 7).

«Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии о дворянине Василии Слепцове», прошения Ж. А. Слепцовой М. Н. Муравьеву 14 мая, 6 и 14 июня 1866 г., телеграмма дежурного офицера Мурашева в штаб корпуса жандармов 23 мая 1866 г. (там же, ф. 95, оп. 1, д. 278, лл. 3, 4, 14).

⁶ Из агентурной записки о смерти и похоронах Д. И. Писарева 30 июля 1868 г. — ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 2085, л. 12.

⁷ «Дело канцелярии московского обер-полицеймейстера. По отношению с.-петербургского обер-полицеймейстера об учреждении надзора за отставным коллежским регистратором Василием Слепцовым, обвинявшимся в принадлежности к нигилизму». Октябрь 1867 — ноябрь 1877 (ГИАМО, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 710, лл. 2, 25);

«Дело канцелярии с.-петербургского губернатора об учреждении негласного бдительного надзора полиции за отставным коллежским регистратором Василием Алексеевичем Слепцовым» (ГИАЛО, ф. 253, оп. 6, ед. хр. 98, лл. 1—4).

⁸ О. М. Антонович-Михуев а. Из воспоминаний. — «Лит. наследство», т. 25-26, 1936, стр. 239.

⁹ ЦГАОР, ф. 109, 1866 г., 1 эксп., ч. 116, д. 100, л. 47.

¹⁰ Андрей Васильевич Малаксиянов — сын таганрогского купца 3-й гильдии, воспитанник таганрогской гимназии, учился с 1854 г. в Московском университете на медицинском факультете (ГИАМО, ф. 418, оп. 23, ед. хр. 283).

¹¹ В конце апреля 1866 г. в Петербурге даже распространились слухи о выдаче всем работающим девушкам-переплетчицам, наборщицам и т. д. — желтых билетов. По этому поводу, как доносили агенты III Отделения, устраивались сходы, совещания, в которых принимали участие «Василий Алексеевич Слепцов, барон Юсинский, Петр Лукич Спасский, Челаславский, Михайлов, Николай Курочкин и многие другие, человек за тридцать» (ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 1662, лл. 1—2).

В бумагах Н. Ножиной (вероятно, ошибка канцелярии, нужно: Н. Курочкина) сохранилась записка, написанная карандашом, в которой выражается тревога по поводу этих слухов и предлагается собраться для разъяснения вопроса. Рукою Н. Курочкина, по-видимому, во время допроса, написано внизу: «Записка эта списана мною. Лекарь Н. Курочкин. 30 апреля 1866 г.» (ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 154, л. 9).

¹² Некоторые письма к В. З. Ворониной опубликованы в книге К. И. Чуковского «Люди и книги шестидесятых годов». Л., 1934; большинство же не издано и хранится в ЦГАЛИ. Исполненные глубокого уважения к женщине, к ее труду, серьезного, тонкого понимания особенностей ее натуры, они могут служить еще одним противовесом нелепой клеветы о Слепцове — «легкомысленном Дон-Жуане» — и доказательством практической помощи писателя женщинам в их стремлении к равноправию, образованию, труду.

¹³ ЦГАОР, ф. 109, 1866 г., 1 эксп., д. 100, ч. 50. — О Ворониной и Слепцове, лл. 1—7.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 176, л. 19 об.

¹⁵ Письмо Слепцова к М. А. Маркович от 23 февраля <1863 г.> — Марко Вовчок. Твори, т. IV. Київ, 1928, стр. 171 (с неверной датировкой: 28 июля).

¹⁶ Едва ли не был знаком Слепцов и с самим Каракозовым — его земляком (по Сердобскому уезду), также гимназистом пензенской гимназии, студентом Московского университета.

¹⁷ Е. в. Колосов. Н. К. Михайловский в деле Каракозова. — «Былое», № 23, 1924, стр. 52.

¹⁸ Донесение с.-петербургского обер-полицеймейстера И. В. Анненкова с.-петербургскому генерал-губернатору Суворову от 8 марта 1864 г. — стр. 452 настоящего тома.

II. БУМАГИ, ВЗЯТЫЕ ПРИ ОБЫСКЕ

Бумаги Слепцова, взятые жандармами на квартире писателя при его аресте, были доставлены («в простыне № 31») в III Отделение, где и остались в Секретном отделе этого учреждения. Мы познакомились с ними почти через сто лет после того, как они были отобраны у писателя (ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 176—198. Приложение к делу Слепцова: «Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии. О дворянине Василии Слепцове. При сем следуют бумаги в простыне № 31. Начато 30 апреля — кончено 18 июня 1866 года». Далее указываем лишь единицы хранения и листы).

В двадцати трех папках находятся разнообразные материалы, в том числе рукописи Слепцова. Большая часть рукописей, содержащих тексты писателя, оставшиеся до сих пор неизвестными, опубликованы нами в настоящем томе «Литературного наследства». Таковы рассказы, наброски и сценки: «О Нижегородской железной дороге», «Охотник», «Ненастный день», «Через несколько минут...», «Осенний вечер...»; фельетоны: <«После 19 февраля 1861 г.»>, «Мнение о народном образовании», «Притчи и видения», «Провинциальная хроника», «Речь, за которую я мог бы быть изгнан...», «Письмо из Москвы», «Игры и зрелища», «Книжная торговля...», статья о Гоголе, записная книжка писателя и несколько мелких набросков к художественным и публицистическим произведениям.

Задача настоящего обзора дать полное представление о бумагах, взятых жандармами при аресте Слепцова, включая и те, которые по разным причинам остались за пределами публикаций настоящего тома.

* * *

Все взятые у Слепцова его собственные автографические рукописи были сброшюрованы в III Отделении в 23 тетради. Чиновник, выполнявший эту работу, расположил рукописи более или менее произвольно, вне зависимости от времени создания их, степени завершенности, жанра произведений. Так, за рассказом «О Нижегородской железной дороге» (1861) была помещена критическая статья о Гоголе (1860), за ней — статья <«После 19 февраля 1861 г.»>, письмо-объяснение Слепцова по поводу корреспонденции «Из Новгорода» (1862), рассказ «Охотник» (1863), статьи «Мнение о народном образовании» (1861) и «Книжная торговля...» (1865), несколько мелких набросков, начало цикла «Скромные упражнения» (1865), еще наброски, наконец, рукопись эпизода из рассказа «Свиньи» (1864).

Некоторые листы слепцовских автографов попали в тетради с чужими рукописями (например, рассказ «Ненастный день»); другие — оказались вшитыми в разные места тетради («Игры и зрелища») или же подложенными не в последовательном порядке страниц («Охотник»). Встречаются листы, производящие впечатление скомканных, смятых, а затем расправленных, иногда они оборваны (не были ли эти листы извлечены во время обыска из корзины для бумаг?).

Каждая тетрадь сброшюрована из рукописей нескольких произведений или набросков. Исключение составляет тетрадь, в которой помещены «Притчи и видения». Быть может потому, что это единственная рукопись, в конце которой стоит подпись Слепцова, она не объединена с другими.

Листы в тетрадях порою разного формата и цвета (бледно-голубого, белого, желтоватого). Как правило, на бумаге бледно-голубого цвета Слепцов переписывал набело, подготавливая рукопись к печати. Такова, кстати, бумага и большей части наборной рукописи повести «Трудное время», найденной С. А. Макашиным среди бумаг А. М. Скабичевского, хранившихся у его родственников (ныне в ИРЛИ).

Пагинация листов — двойная: карандашом — только для данной тетради; чернилами — общая для нескольких тетрадей. Страницы то использованы полностью, то частично; иногда запись сделана лишь в начале страницы, в углу или в конце ее, иногда заполнена и обратная сторона листа.

На двух свободных от текста листах находим сделанные рукою Слепцова записи адресов: 1) «В Серг(иевской), д. № 20, кв. 17, Игелльстром» (это фамилия бабки Слепцова по матери) и 2) «Гороховая, у Каменного моста, д. Буха, № 38, пройдя мастерскую на правой руке, 2 дом, *Неучтивый молодой человек*» (здесь, по-видимому, адрес случай-

ного знакомого, фамилию которого Слепцов не знает, а может быть, он сознательно скрывает фамилию лица, напоминая себе лишь прозвище или внешний вид (ед. хр. 182, лл. 33 и 74).

Имеются на свободных местах также наброски планов будущих статей, например, «Домашний очаг» (см. вступ. заметку к циклу «Новости петербургской жизни») или записи отдельных деталей, затем использованных в некоторых произведениях в переработанном виде. Например:

З а п и с и

П р о и з в е д е н и я

а) «〈Время〉, знаете, рабочее, и каждый день дорог, а я их на хлеб, на воду на неделю и засадил, а сам уехал» (там же, л. 69).

б) «Вечером опять слышу: „Ах, мошенники, ах, мошенники! Губители вы мои! ах, ах!..“ Ничего не понимают» (там же, л. 71).

в) Ц и р ю л ь н и к
Побрить прикажете?
М у ж ч и н а
Брей.

(там же, л. 60).

«Т р у д н о е в р е м я»

«...отобрал десять человек —
в анбар, на хлеб и на воду!
Время-то, знаете, рабочее, мужику каждый час дорог, — сиди!»
(II, 96).

«П и с ь м а о б О с т а ш к о в е»

«...Мужики по-прежнему *ничего не понимают*, помещик по-прежнему орет: „Ах, губители! Уморили... а? Ах, губители!“» (II, 223).

«Н е н а с т ь н ы й д е ь»

〈слова кауфера:〉

«— Bonjour, monsieur! Un coup de fer, sil vous plait!» (см. публикацию на стр. 66 настоящего тома).

* * *

Обращаемся к описанию бумаг Слепцова, оставшихся за пределами публикаций в настоящем томе «Литературного наследства».

РУКОПИСЬ НЕОПУБЛИКОВАННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Записки самоубийцы» (другой вариант заглавия — «О самоубийстве»); начало: «Мысль о самоубийстве явилась у меня не вдруг...» Черновой автограф незаконченного произведения, по-видимому, повести (ед. хр. 185, лл. 1—29). Этот замысел трудно датировать точно. Можно лишь сказать, что повесть создавалась не позднее апреля 1866 г., времени ареста писателя, и не ранее 1861 г.; в рукописи имеются упоминания о Гейне, с произведениями которого герой мог быть знаком по подлинникам (собрание сочинений Гейне издавалось в Гамбурге в 1861—1864 гг.) или по переводам русских поэтов (под ред. П. И. Вейнберга, 1864 г.), а также упоминание о книге Либиха «Письма о химии», вышедшей в России в 1861 г.

По содержанию и форме это произведение не похоже на другие художественные вещи Слепцова. Герой его — автор «Записок» — человек патологически сосредоточенный на своей личности, «зритель самого себя», склонный к кропотливому самоанализу, нудной рефлексии; он вынашивает маниакальную идею самоубийства и осуществляет ее, подвергая себя медленному истощению. Слепцов ставит здесь вопрос о том, как пагубна изолированность человека от жизни, от общества, эгоцентрическая углубленность в свой индивидуалистический мир. В произведении образно реализована мысль, высказанная в публицистической форме в незавершенной статье Слепцова «Человек всегда был...»: «Прошло время, когда думали, что только свернувшийся в самого себя человек долгим и неусыпным наблюдением над самим собою и совершенным отречением от всего внешнего мира может дойти до высшей степени самопознания» (см. выше, стр. 385).

РУКОПИСИ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

а) *«Письма об Осташкове»*. Черновой автограф одной из глав и фрагменты другой главы этого произведения Слепцова 1862—1863 гг. Рукопись представляет собою тетрадь из восьми листов, спитых суровыми нитками. Заглавие *«Письма об Осташкове»* написано карандашом; весь текст, за исключением конца и некоторых вставок, — чернилами (ед. хр. 181, лл. 1—10). Глава не имеет порядкового номера, но по содержанию, материалу она близка к шестому письму — *«Именины»* (II, 244—254), ошибочно обозначенному в *«Современнике»* как письмо седьмое (1863, № 6, стр. 439—449). Сравнение черновой рукописи с печатным текстом показывает, что автор, подготавливая это «письмо» к публикации, проделал большую дополнительную работу: заменены многие слова и выражения, вставлены целые абзацы в авторских описаниях и в диалогах героев. Так, отсутствовали в рукописи следующие места печатного текста: *«Но несмотря на все превосходство этого способа ∞ самых патких способов»* (II, 244); *«Этому возрастианию ∞ не успели»* (II, 246); *«Далее разговор не продолжался ∞ Это было весело»* (II, 247); *«Что ж, еще рюмочку ∞ покатались гости»* (II, 250); *«Еще банковские должники ∞ будут на хозяина работать»* (II, 252). Нет в рукописи и авторских примечаний внизу страницы.

Некоторые мысли, выраженные в черновой рукописи лапидарно, при подготовке текста к печати получили дополнительное развитие: например, мысль о роли наблюдателя.

Был внесен ряд изменений, относящихся к отдельным частностям. Так, слово «смотритель» заменено словом «знакомый» (и ему дано вымышленное имя: Иван Иванович); вместо «священник» всюду поставлено: «причетник». Это делалось, надо полагать, не только по соображениям цензурного характера (иронически изображаются лишь нижние чины и нейтральные лица), но и потому, что писатель узнал: осташковские власти преследуют тех «злоумышленных лиц», которые дали автору *«Писем об Осташкове»* сведения о городской жизни.

В некоторых случаях в тексте устранимо ироническое выражение, применительно к обитателям Осташкова; «гражданин» заменено: «человек», «чиновник». Разумеется, это сделано в угоду цензуре.

О том, как писатель искал в своей работе выразительного колоритного слова, видно хотя бы на одном примере. На полях рукописи, против абзаца: *«Хозяин оживился и стал ежеминутно бегать в кухню»*, карандашом написано слово: *«мышинно»* (в смысле механически, машинально); это слово используется позднее в печатном тексте; его дважды произносит хозяин — рыбный промышленник (II, 249, 250).

Закончив в рукописи это *«Письмо об Осташкове»*, Слепцов тут же набрасывает план следующих глав:

«8-ое письмо.

Летопись. Стихи. Репетиция.

9-ое

Инспектор. Учитель. Соседи. Рассказ Абабкова Прогулка на прощание. Отъезд
В окончательном тексте этот план реализован в письмах 7—10 (II, 255—281).

За планом следует заглавие: *«Письмо осьмое»* и три абзаца. Первый из них совпадает с началом окончательной редакции седьмого (в *«Современнике»*, восьмого письма): *«Попалась мне рукописная книжка ∞ тоже удалось найти»*. Второй абзац остался в рукописи:

«Меня очень поразило следующее обстоятельство, в городе есть публичная библиотека, где выписывается до... журналов и газет, а между тем публика пробавляется рукописными тетрадями и, по-видимому, довольствуется ими больше, нежели печатными книгами. Наконец, третий абзац в несколько измененной редакции вошел в печатный текст (II, 262); он содержит название источников «Летописи города Осташкова»,*

* Здесь Слепцов оставил место для цифры.— М. С.

ОБЛОЖКА СЛЕДСТВЕННОГО
ДЕЛА СЛЕПЦОВА, 1866 г.

К делу приложены рукописи
статей Слепцова, изъятые у него
при аресте 30 апреля 1866 г.

Архив Октябрьской революции.
Москва

составленной «каким-то священником», и рубрики этой «Летописи». Приводим текст третьего абзаца по рукописи:

«Летопись в толстом хорошем переплете, писана старинным поповским почерком очень чисто и разделена на рубрики такого свойства: Местоположение города. Воздух. Пространство озера Селигер и проч. Состоит эта летопись большею частию из выписок из „Истории“ Татищева, Карамзина, „Пантеона российских государей“, „Зерцала российских государей“ и „Жития святых“. Кроме того, есть в ней изустные предания и наблюдения самого автора».

б) «Скромные упражнения». Наборная рукопись начала цикла, опубликованного в «Современнике» (1865, № 9): вступление и первый фельетон, озаглавленный «Досадное положение» (ед. хр. 182, лл. 68 и 184, 8—35). В рукописи вступления имеются исправления. Изменено заглавие: вместо «Небольшие упражнения» — «Скромные упражнения». Зачеркнута первая фраза: «Года два тому назад я было попробовал...»; имеется несколько других мелких разночтений.

Беловая рукопись первого фельетона «Досадное положение» также дает разночтения с печатным текстом. Приведем некоторые из них. Так, несомненно, по цензурным соображениям были изъяты следующие подчеркнутые нами слова: «...Такую совокупность преступлений совершить, какой и в своде законов не предполагается»; «...просто некуда было бы сажать, и пришлось бы строить один общий громадный острог»; «Государство лишилось бы своих подданных, или, вернее сказать, верноподданных, потому что преступники тоже подданные, только не верноподданные».

В некоторых случаях писатель по-иному формулирует мысль. Сравни, например, абзац: «Вследствие разных ложных удовлетворений ∞ что бы это такое сделать?» (II, 349) со следующим местом, зачеркнутым в рукописи: «Вследствие ограниченности наших потребностей, в свою очередь, и число известных занятий ограничивалось, но, несмотря на это, действительно и серьезно занятых людей все-таки ужасно мало».

Число их гораздо меньше числа занятий. Вся так называемая публика состоит большей частью из людей, которые и дела не делают и от дела не бегают, а так как-то путаются. Да оно и понятно: где же взять дело, когда его нет, когда все места заняты, все занятия разобраны? Для того, чтобы делать дело, в настоящее время нужно самому его создать и притом знать.

Одно место отсутствует в рукописи и внесено автором, вероятно, в корректуру: «Кроме того, число предписанных правил ∞ разнообразны до бесконечности» (II, 340).

На полях наборной рукописи вступления обозначены фамилии наборщиков; рукою автора сделано указание: «Набрать корпусом»; здесь же обращение, по-видимому, к метранпажу: «Сорванов! Эта статья пойдет в конце, после политики, вместо бывших „Петербургских заметок“. Первую страницу нужно напечатать отдельно и заглавие „Небольшие упражнения“ поместить на обертке».

Слово «бывших» — это отнюдь не напоминание о «Петербургских заметках», печатавшихся два года тому назад, а указание на заглавие, предполагавшееся теперь. Едва ли писатель мог рассчитывать, что метранпаж (даже если он оставался прежним) помнит, в каком именно разделе печатались в 1863 г. «Петербургские заметки». Да они, кстати, помещались тогда то после обозрения «Политика» (№ 6), то перед ним (№ 4).

Слепцову пришлось изменить заглавие. Из слов, обращенных к метранпажу, видно также, что ранее не было «первой страницы», т. е. вступления к «Досадному положению». Это вступление могло быть написано под влиянием запрещения циклового заглавия и фельетона «Речь...» (см. стр. 339). Во вступлении к «Досадному положению» писатель достаточно прозрачно намекнул на то, что едва ли сможет осуществить свое намерение — создать продолжение «Петербургских заметок»: «...Мало ли что задумаешь, а вдруг и не выйдет»; «...Ничего положительного не обещаю»; «...Вообще я не ручаюсь, удастся — хорошо, а не удастся — что ж делать?».

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

а) <«Летопись города Осташкова»>. На больших листах бумаги ровным, четким («поповским») почерком, чернилами написана краткая история Осташкова, даны описание географического положения города и сведения о современной общественной жизни и быте осташковцев (ед. хр. 195, лл. 1—11). Это, по-видимому, и есть та «Летопись», о которой говорил Слепцов в «Письмах об Осташкове». Утерян «толстый хороший переплет», но на пожелтевших от времени листах находим то содержание, а на полях рукописи те рубрики, о которых шла речь в седьмом письме: «Местоположение города.— Воздух.— Пространство озера Селигера» (II, 262).

Сопоставление текста этого документа с соответствующим местом «Писем...» показывает, что Слепцов использовал «Летопись», то излагая ее содержание, то перефразируя отдельные места, то дословно цитируя. Не трудно при этом уловить иронию писателя. Ему ясна наивность «летописца», он видит характерную для «осташковцев» «страсть к древности», идеализацию «летописцем» патриархальных предков и стремление поставить их в пример современникам.

На двух последних листах этой тетради, не заполненных автором «Летописи» (лл. 12—13), Слепцов дал характеристику бумажной фабрики Акционерного общества Нарской мануфактуры; она напоминает те сведения о фабриках, которые Слепцов заносил в свою записную книжку (см. публикацию, стр. 404—418) и использовал в цикле «Владимирика и Клязьма». Эти два места заполнены, по-видимому, наспех; запись сделана карандашом, неровным почерком.

б) Копии материалов, освещающих некоторые частности в проведении крестьянской реформы в Полтавском уезде, в Харьковской и Олонецкой губерниях (ед. хр. 186, лл. 1—19).

Здесь журнал Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия (октябрь — ноябрь 1864 г.), напечатанный в местной типографии, деловая переписка начальника Харьковской губернии и предводителя дворянства Пащенко, мирового посредника Полтавского уезда, Сулима, о введении уставной грамоты в имении поме

щиков Бабаниных в 1861—1862 гг. Из этих документов узнаем о произволе помещиков, их приказчиков, о бесправном положении крестьян (они жалуются мировому посреднику на Бабаниных 27 ноября, 8 декабря 1861 г., 23 января 1862 г., жалуются на то, что им не отдают заработанный хлеб, женщин заставляют работать не два, а четыре дня, выгоняют из изб, переселяют в другие деревни, избивают); документы свидетельствуют и о пристрастии к помещикам мировых посредников. О том же говорит безымянный свидетель введения уставной грамоты в имении Бабаниных; его записка предваряет указанные материалы в тетради.

ПЕРЕПИСКА

Письма Слепцова

Эпистолярное наследие Слепцова до сих пор полностью не учтено, не собрано и мало еще известно. Несколько писем его к матери, Ж. А. Слепцовой (1866—1877 гг.), и к В. З. Ворониной (конца 1860-х годов) было опубликовано в книге К. И. Чуковского «Люди и книги шестидесятых годов» (Л., 1934); письма к Некрасову напечатаны в «Литературном наследстве», т. 51-52, 1949, стр. 493—498. В собраниях ИРЛИ и ЦГАЛИ хранятся подлинники следующих писем Слепцова: а) к В. З. Ворониной — писательнице, другу Слепцова — 19 писем 1866—1870 гг. (ЦГАЛИ, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 17, лл. 1—42) о литературной работе Слепцова (например, о «Хорошем человеке») и произведениях В. З. Ворониной, которые писатель, по его выражению, «пристраивал» в «Искру» и «Отечественные записки», о родных и общих знакомых (одно из писем Слепцова к Ворониной находится в деле III Отделения — см. «Арест Слепцова», стр. 462, 464); б) к матери — 10 писем, 1870-х годов (ЦГАЛИ, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 1—16); в них речь идет, главным образом, о личной жизни, здоровье, материальном положении; в) 2 письма к неустановленному лицу от 27 мая и 6 августа (1870 г.) частного характера (ЦГАЛИ, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 1—3); г) к Ф. Д. Нефедову — писателю-народнику, этнографу — по поводу рукописи Л. Ф. Нелидовой «Дело прошлое», 1876 г. (ЦГАЛИ, ф. 342, оп. 1, ед. хр. 110, лл. 1—2); д) наибольшее количество писем Слепцова сохранилось в архиве его гражданской жены Л. Ф. Нелидовой (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 1—186) — всего 120 писем и 6 телеграмм 1875—1877 гг. Они носят в основном личный характер, дают представление о Слепцове-человеке (некоторые цитаты и аннотации этих писем — см. во вступительной статье к «Биографическому очерку» Слепцова Л. Ф. Нелидовой и в сообщении о ее романе «На малой земле», стр. 488—492, 495—512); е) одно письмо к Я. П. Полонскому (1863 г.) с просьбой прислать стихотворение для мартовской книжки «Современника» (ИРЛИ, 12451/LXX64, л. 1); ж) записка к Е. П. Ковалевскому (1863—1864 гг.) по поводу выступления на литературном вечере (ИРЛИ, 18.080/CXV б 6, л. 1); з) 11 писем к М. А. Маркович 1863—1867 гг. (ИРЛИ, ф. 9526, LVI б 45, лл. 1—22) — в них просьбы предоставить работу переводчицам Маркеловой, Туманской, сообщение о литературных и денежных делах Маркович (Марко Вовчок), находившейся за границей. В этих письмах много намеков на тяжелое политическое положение в России. Из них, так же как из писем к Ворониной, мы узнаем о мерах предосторожности, конспирации, которые принимал Слепцов в переписке с друзьями и знакомыми: обычно он сам не подписывал и не советовал своим корреспондентам подписывать письма, не упоминал имени адресата; и) к неизвестному лицу — приглашение к А. Я. Панаевой (ИРЛИ, Р. III, оп. 1, ед. хр. 1932, л. 1). Указанные письма Слепцова в большей своей части остаются неопубликованными.

Письма к Слепцову

Надо полагать, что в предвидении ареста (в апреле 1866 г.) Слепцов уничтожил свою корреспонденцию, поэтому в руки полицейских чиновников попали лишь случайно уцелевшие письма, ему адресованные. Количество опубликованных и оставшихся в архивах писем к Слепцову невелико: а) 2 письма Некрасова от 25 октября 1873 г. и первой половины мая 1877 г. (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. XI. М., 1952, стр. 274, 414); б) письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина от 26 апреля 1877 г.

(Н. Щедрин, т. XIX, стр. 93). Неопубликованы письма: а) Ж. А. Слепцовой 1875 г. (ЦГАЛИ, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 8, лл. 1—2); б) Л. Ф. Нелидовой, 1875 г., 12 писем личного характера (там же, ед. хр. 5); в) Л. А. Слепцовой — сестры писателя (хозяйственного характера), 1876—1877 гг. (там же, ед. хр. 9, л. 1); г) В. Тарновского от 18 апреля 1877 г. (сообщает, что придет к больному писателю с проф. Корженевским) (там же, ед. хр. 10, л. 1).

Перейдем к описанию писем к Слепцову, сохранившихся в его бумагах, отобранных при аресте: а) 6 писем В. В. Демидова (ед. хр. 176, лл. 3—14) — конторщика, автора записок и некоторых произведений, также оставшихся в бумагах Слепцова (см. ниже). В 1865—1866 гг., живя в Новой Ладоге, Демидов просит у Слепцова совета: что читать, делится своими литературными замыслами (например, сообщает о намерении написать повесть о молодом человеке, который противодействует «гадным обстоятельствам» (22 августа 1865 г., л. 5 об.)). По ответным письмам Демидова можно судить, как оценивал Слепцов его литературную работу. Считая, по-видимому, содержание его произведений жизненным, интересным, Слепцов все же говорил о хаотичности построения, недостаточной литературной обработке материала: «Истинная моя благодарность,— пишет Слепцову Демидов,— за добрые советы, я вполне принимаю их, сознавая совершенную их справедливость, и скажу вам, что сам думал то же, что пишете и вы, т. е. я все тетради писал, как говорится, слепча, совершенно не задумываясь над написанным и не имея ни времени, ни желания исправлять» (10 ноября 1865 г., л. 9). Перед нами один из примеров общения Слепцова с молодыми авторами. Мы видим, что он пользуется непререкаемым авторитетом, оказывает большое влияние на образ мыслей и общественное поведение своего корреспондента. «Попавши в Петербург,— пишет, например, Демидов,— и увидя там то, о чем в провинции не мечтал, и в особенности узнав вас, неминуемо должен был перемениться к лучшему <...> мало-помалу начал стряхивать с себя ту апатию и сонливость ума, которою наградила меня провинциальная жизнь и кабацкое завсегдаитство» (там же).

Эти письма дают нам представление о том, что являлось содержанием бесед Слепцова с Демидовым. Последний, явно отвечая интересам писателя, сообщает ему сведения о скучной, бессодержательной несправедливой жизни в провинции («Нищие с шарманщиками <...>, пьянство, мошенничество, возгласы: „караул!“» (22 августа 1865 г., л. 5), о том, что всюду «деспотизм царствует», что «служба в высшей степени способна убивать в человеке мыслительные начала» (19 мая 1865 г., л. 4, что в Ладужский уезд из Петербурга были высланы две роты солдат для усмирения) бунта крестьян, и 80 мужиков были выпороты «либеральными» мировыми посредниками (14 марта 1866 г., лл. 13—14).

На одном из писем Демидова рукою Слепцова написано: «Керенский уезд, деревня Щербакровка, девицы Мария и Наталья Макуловы. 60 десятин земли проданы с аукциона 8 июля 1865». Речь идет, по-видимому, о продаже имения родственницами Е. А. Макуловой, участницы Знаменской коммуны. б) В письме от 7 марта 1861 г. О. И. Демидова — крестьянина Вязниковского уезда — просьба содействовать в опубликовании написанных им «Походных записок ратника» и статистического очерка о слободе Мстёра (лл. 15—17). Слепцов познакомился с адресатом во время путешествия по Владимирке в 1860 г. В записной книжке писателя имеется такая заметка: «Мстёра Вязниковского уезда на Клязьме <...> Осип Иванович Демидов. Статистический очерк» (л. 20 об.). в) В письме к Слепцову от 22 февраля <1863 г.> И. Рассадина — гимназиста, собиравшегося поступать в Петербургский университет,— содержится просьба достать работу, переводы (там же, л. 18). г) Сохранилось и письмо к Слепцову от 6 декабря 1865 г. его дяди — мирового посредника Сердобского уезда П. В. Слепцова (там же, л. 19). Некоторые цитаты из этого письма приведены выше во вступительной статье. д) Отметим еще письмо-уведомление Ю. Ф. Куракиной от 9 марта 1866 г. об избрании Слепцова (по его желанию) членом Общества пособия бедным женщинам в Петербурге (л. 17).

Чиновники III Отделения, рассматривавшие бумаги Слепцова и составлявшие акт, отметили письма молодых писателей и суммарно так определили их содержание «с просьбами рассмотреть и содействовать к напечатанию» (ф. 95, оп. 1, ед. хр. 278, л. 1)

Ж. А. СЛЕПЦОВА (УРОЖДЕННАЯ
ВЕЛЪБУТОВИЧ-ПАПЛОНСКАЯ),
МАТЬ ПИСАТЕЛЯ

Фотография, 1870-е гг.

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Они имели в виду 8 писем, адресованных в редакцию «Современника» (или лично Некрасову) в 1864—1865 гг. Н. Дружининым, И. Тереховым, Ф. Солодовниковым, А. Замятиным, М. Дьяконовым, Н. Бандровским, И. Потаповым (ф. 95, оп. 2, ед. хр. 179, лл. 1—21). То, что эти письма оказались в бумагах Слепцова, подтверждает близость писателя к редакции «Современника»; они дают основание уточнить время, когда он исполнял обязанности секретаря редакции (по-видимому, май—август 1863 г., февраль, май, октябрь 1864 г., май—август 1865 г.). Все эти письма помогают создать представление об отношении редакции «Современника» к начинающим писателям-разночинцам. В редакцию обращаются люди разных профессий: конторщики, учителя, чиновники, отставные канцелярские служащие, крестьяне. Редакция получает письма из Москвы, Петербургской, Курской, Саратовской, Костромской и других губерний. Все корреспонденты — поклонники поэзии Некрасова, мечтают опубликовать свои стихи в «Современнике»; некоторые авторы рассказывают Некрасову, «как своему духовному отцу», о жизненных и литературных мытарствах (письмо И. Потапова от 15 октября 1864 г., лл. 8—9). Одни рассчитывают на материальное вознаграждение, просят дать их произведениям «материальную оценку» (письмо Ф. Солодовникова от 30 мая 1864 г., л. 10; письмо И. Терехова от 4 мая 1865 г., л. 12); другой аттестует себя «человеком с состоянием», он не только не желает получать за стихи, но и сам готов платить за печатание, так как рассчитывает при помощи «гласной критики» развить в себе поэтический талант» (письмо А. Замятина от 15 октября 1864 г., л. 7). Один предлагает в журнал всё без разбора: стихотворения, народный лечебник, сборник народной поэзии (письмо Ф. Солодовникова от 30 мая 1864 г., лл. 10—11); другой наивно заявляет, рассказав о своих неудачах на драматургическом поприще: «С отчаяния я стал писать рассказ, хотя не чувствовал никогда к этой форме особенного расположения» (письмо И. Потапова от 15 октября 1864 г., л. 9).

Некрасов и его помощники по редакции делали отбор, поощряя тех, кто подавал некоторые надежды. Так, учитель Н. Дружинин, чья повесть «Люба» была напечатана в «Современнике» (1863, № 12), пишет Некрасову из Луги: «Вы ссудили меня деньгами, не выдавши меня в лицо, и потом, когда уже обнаружилась моя несостоятельность, посылаете мне вдвое больше в счет труда еще не окупившегося» (от 20 февраля 1864 г., л. 3); «Редакция „Современника“ в лице главных своих представителей Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. Н. Пыпина была ко мне благоклонна не по заслугам» (от 15 августа 1865 г., л. 5 об.).

ЧУЖИЕ РУКОПИСИ

Сохранившиеся в бумагах Слепцова письма к нему и чужие рукописи — это не только часть личного архива писателя, но часть (пусть и крошечная) архива редакции «Современника», секретарем которого одно время был Слепцов, а также редакции «Искры».

Полицейские чиновники, производившие обыск у Слепцова, написали в акте: «В бумагах оказались разные статьи, как бывшие в печати в „Современнике“, так и не напечатанные; последние принадлежат к первым опытам молодых писателей и поэтов и не заключают ничего ни подозрительного, ни серьезного» (ф. 95, оп. 1, ед. хр. 278, л. 2). Это далеко не точное определение состава «чужих рукописей»; наряду с произведениями начинающих авторов здесь имеются автографы зрелых поэтов и писателей (Н. С. Курочкина, Н. А. Вормса).

Какие же рукописи других авторов сохранились в бумагах Слепцова?

а) Произведения поэтов, обращавшихся, как только что указывалось, в редакцию «Современника» с просьбой напечатать их стихотворения в журнале (ед. хр. 191, лл. 1—12. Беловые автографы):

М. Дьяконов. «Не ладно, родные, Мартыныч с женою живет...» (1865) и «Снова, как прежде, живи как-нибудь...» (1865), лл. 1—2.

И. Терехов. «Провиденье» (1865), «Прощание» (1865), «Поэту» (1865), лл. 3—6.

Ф. Орлов. «Мост» (из Лонгфелло), л. 7.

Слазский. «К знакомому». Обличительная поэма в 5 частях (1865), «Знать судьба...» (1865), лл. 10—11.

А. Кулычев (подпись: «К.»). Басни: «Волк и лисица», «Лиса и соловей», л. 12.

б) Василий Демидов. Беловые автографы произведений (без заглавий) о жизни народа, мещан (ед. хр. 190, лл. 1—148). В письмах к Слепцову Демидов назвал в одном случае свои произведения «Записками о рабочих»; в другом — «Записками о рабочем классе» (19 мая и 22 августа 1865 г., ед. хр. 176, лл. 3 об., 5 об.). В этой же тетради — дневник начинающего писателя (июль — август 1865 г.), в котором находим некоторые сведения об авторе: ему 28 лет, он был мальчиком у купца, читал в его библиотеке все, что попадало под руку, служил в конторе, попал в шайку воров, пил, затем (под влиянием поездки в Петербург и знакомства с Слепцовым, как он писал ему) бросил пить и теперь акцизный чиновник; хочет написать роман «Откупщик»; хотел быть актером.

в) Е. Г. же. Статья о мерах борьбы с пьянством. Начало: «Живя в среде народа...» (ед. хр. 189, лл. 1—5). В письме к Слепцову автор назвал ее «Проектом об уменьшении пьянства» (31 октября 1865 г., ед. хр. 176, л. 7). Он исходит из положения, что в последнее время (в связи с отменой откупов) усилилось пьянство крестьян; приводит примеры, когда в селе вместо одного питейного дома, бывшего ранее, появились 6 штофных лавок. В конце статьи дата и место написания: «Новая Ладога. Октября 31 дня 1865 года».

г) Е. Берестов. «Утренняя заря». Беловой автограф комедии в трех действиях (ед. хр. 188, лл. 1—30). Подпись: Е. Берестов. Дата: 29 октября 1865 г. Другой рукописный экземпляр этой комедии хранится в Ленинградской театральной библиотеке (№ 10172). На полях рукописи помета: «По журналу Театрально-литературного комитета 8 февраля 1869 г. не одобрена к представлению. Председатель комитета П. Юркевич». Берестову принадлежит также пьеса из народной жизни «Посиделки», напечатанная в «Русской сцене», 1865, т. VI, отд. I.

д) Я. Кремянский. Две статьи: «Содержание и направление людей, называющих себя поклонниками г. Каченовского», 1 марта 1863 г., «Политическое и реальное образование», 1 мая 1863 г. и письмо в редакцию «Современника» 30 мая 1863 г. (ед. хр. 177, лл. 1—26).

Автор — харьковский студент — полемизирует в своей статье с профессором юридического факультета Харьковского университета, публицистом Д. И. Каченовским,

выступавшим на университетском акте с речью, в которой он, по словам Кремянского, «издевался над симпатиею русского общества к естествознанию».

Кремянский упрекает также Каченовского в том, что он «не ценит надлежащим образом экономического быта общества и связи его с развитием естественных реальных знаний, не признает полного влияния его на гражданский прогресс» (л. 10). Кремянский сообщает, что в № 9 Прибавлений к «Харьковским губернским ведомостям» он со студентом Егором Ширяевым поместил статью о неверных взглядах Каченовского на естествознание, медицину и политику. Статья эта вызвала недовольство университетского начальства. Посланные в ту же газету две статьи автора (предлагаемые теперь в «Современник») были отвергнуты. Это дало ему повод высказать свое недовольство в письме, адресованном в «Современник»: «Неужели наше университетское образование может выиграть от того, если заставят студентов не сметь свое суждение иметь?» (л. 2).

На полях рукописи Кремянского «Содержание и направление людей...» рукою Слепцова сделана пометка: «Неудобно».

е) Н. А. В о р м с — тетрадка стихов, датированная 1861—1863 гг. В нее входят следующие стихотворения: «Я знаю старый дом...», «Он умирал...», «Картинки», «Недавняя быль», «Параша», «Рыбак» (подражание Гете), «Сплошь да рядом», «К Италии», «Гетевский мотив», «Опять весна», «Посмотри на месяц...», «В последний раз я слышал соловья...», «Грудь болит и сердце ноет...», «Дитя беззаботно играет в грязи...», «Ясная зорька на небе встает...», «Полдневный жар», «Встреча», «Я вас люблю, мои воспоминанья...», «Русалка», «Городок уездный», «Когда по небу в полдень знойный...» отрывок из рассказа в стихах «Австрийцы», «Зальц», «Русская песня», «Вся залита огнем...», «Люблю я русское веселье...», «Была пора, костры пылали...», «Варшава» (отрывок), «Маруся», «Она одна сидела в зале темной...», «Зачем ты тратишь эти речи...», «Нарисуй ты мне избушку...», «Над старой тетрадкой», «Опять и вновь», «Безотчетная веселость», два отрывка из рассказов в стихах «Новый Чаттертон» (ед. хр. 178, лл. 1—16).

Вместе с перечисленными стихотворениями Вормс отправил в редакцию «Современника» Слепцову письмо. Приводим его текст:

г. Севск. 1863. 23 августа (4 сентября)

Милостивый государь, я имел честь получить ваше письмо как секретаря редакции еще в начале июля; мой же ответ замедлил по причинам *вполне* от меня не зависящим. Посылая вам 37 стихотворений, не слишком ли во зло употребил я желание редакции ближе узнать мое дарование?.. Если некоторые из моих стихотворений редакция найдет удобными для напечатания в «Современнике», то я покорнейше прошу ее уведомить меня об этом прежде, нежели выслать гонорарий, так как я через несколько времени оставляю Севск. Это последнее обстоятельство ставит меня в необходимость утруждать вас настоятельно просьбою о *наискорейшей* высылке ответа.

В заключение мне остается сказать, что я жду от вас строгой и верной оценки моих трудов. Я с благодарностью приму всякий совет и указание как человек, нуждающийся и в том и в другом, но осужденный вращаться в среде, неспособной верно и беспристрастно оценить какой бы то ни было литературный труд. При оценке редакции, вероятно, возьмет во внимание мои 18 лет и тяжелые внешние обстоятельства, этот великий тормоз всякого развития.

Примите уверение в совершенном моем к вам уважении, в котором имею честь быть, милостивый государь, готовый к вашим услугам —

Н. В о р м с

P. S. Адрес мой: его бл<агородию> Николаю Александровичу Вормс, г. Севск (Орловской губ.).

Поэт и публицист Николай Александрович Вормс (1845—1870) был участником революционно-демократического движения шестидесятых годов. См. о нем сообщение Б. П. Козьмина в «Литературном наследстве», т. 62, 1955, стр. 48—63.

ж) Н. С. Курочкин. «Филипп». Перевод трагедии Альфьери (ед. хр. 187, лл. 1—69). Беловой автограф. Начало: «Изабелла (одна).

Печаль, боязнь в душе моей... Нет сил!
Прочь, призрак соблазнительно прекрасный...

Подпись: Н. Курочкин.

В 1867 г. перевод этой трагедии был напечатан в «Невском сборнике» (стр. 305—374).

РУКОПИСИ АВТОРОВ, ИМЕНА КОТОРЫХ НЕ УДАЛОСЬ УСТАНОВИТЬ

з) «Струэнзе и королева Каролина Матильда» («Во второй половине XVIII века мы видим во всех европейских государствах стремление к реформам...»). Беловой автограф большой исторической работы о датском реформаторе второй половины XVIII в. Угол последнего листа с подписью автора оторван, вместо нее поставлена буква Z (ед. хр. 192, лл. 1—68).

и) Драматическое произведение для балаганного представления без названия и подписи (ед. хр. 194, лл. 1—13). Действующие лица: полишинель, музыкант, доктор, квартальный. Содержание близко к тем сценам, о которых рассказывает Слепцов в «Петербургских заметках» 1863 г. (см. публикацию). Здесь же шутка другого неизвестного автора: «Аттестат похвальный» семинаристу А. Тропачевскому, «прошедшему через дебрь философии и скитавшемуся по классам 40 лет». Написано в пародийно-архаическом стиле. Высмеивается система преподавания и некоторые бытовые черты жизни семинарии. Обозначено место и год написания: Харьков. 1855.

к) «Заметки деревенского жителя» («Нет такого захолустья, где бы по временам не появлялись...»). Беловой автограф фельетона (ед. хр. 193, лл. 2—17).

Установить имя автора этой рукописи не удалось. Но, как показали розыски, она предназначалась для «Искры». В № 21 за 1865 г. в «Искре» был напечатан первый фельетон под заглавием «Заметки деревенского жителя». Затем последовала серия фельетонов под тем же заглавием: в №№ 32, 34, 35, 40 за тот же год и в №№ 40, 42 за 1866 г. Некоторые фельетоны имели порядковый номер: I, II, IV (повторен, вероятно, ошибочно, дважды), VII. К фельетону, напечатанному в № 40 за 1866 г., есть примечание, в котором редакция отсылает читателя к фельетонам этого цикла, опубликованным в 1865 г.

Какие предположения можно сделать об авторе «Заметок деревенского жителя», одного из наиболее интересных циклов «Искры» 1865—1866 гг.? Скорее всего, это коллективное произведение, где мог быть одним из его соавторов и Слепцов. В напечатанных фельетонах есть мотивы, близкие к повести «Трудное время»; в рукописи, сохранившейся в бумагах Слепцова («Нет такого захолустья...»), заключен сюжет его «деревенских сцен» — «Мертвое тело». Автограф находится в одной тетради (ед. хр. 193, л. 1) с текстом рассказа Слепцова «Ненастный день» (последнее обстоятельство могло быть и случайным; так могли подшить рукопись чиновники III Отделения).

Фельетон «Нет такого захолустья...» написан не слепцовой рукой. Заглавие в рукописи повторено дважды, один раз (вверху) коричневым карандашом, рукой Слепцова; этим же карандашом на полях — цифры: 72, 42, 34. На полях несколько раз карандашом написано слово: «никогда», вверху: «Александр Иванов — Иванов — Александр Иванов».

Естественно возникает мысль, не является ли автором (или соавтором) фельетона Александр Иванович Иванов — сотрудник «Искры», участник революционного движения (он был арестован в мае 1866 г. в связи с делом Каракозова; в том же году, в июле, предан суду по обвинению в принадлежности к тайному революционному обществу «Организация» и сослан в Сибирь).

В архиве III Отделения сохранилось следующее письмо А. И. Иванова к Н. С. Курочкину:

«Милостивый государь, Николай Степанович! Так как у меня в настоящую минуту находится Владимир Степанович <Курочкин — писатель и переводчик, брат

Василия и Николая Курочкиных», Лейкин и обещались быть Дмитриев и Жулев и еще кой-кто из общих знакомых, то покорнейше прошу и вас ко мне пожаловать. Я уверен, что вы не откажетесь. Готовый к вашим услугам. Ал. И в а н о в.

10 апреля 1865 г. Адрес. По Болотной ул. д. Терского, № 24-й. Из-под ворот налево» (ф. 95, оп. 2, ед. хр. 155, л. 8).

Но почерк этого письма не похож на мелкий, четкий почерк рукописи «Заметок деревенского жителя». Как будто бы это обстоятельство снимает предположение об авторстве А. И. Иванова. В письме к нему Н. С. Курочкина от 20 июня 1865 г., также сохранившемся в архиве III Отделения, читаем: «...брат просит меня вам поклониться. Второй статьей вашей он, к сожалению, не мог воспользоваться. Она слишком велика по объему» (ф. 95, оп. 2, ед. хр. 154, л. 3 об.).

Возможно, здесь идет речь именно об этой рукописи («Нет такого захолюстья...»). Вопрос все же остается открытым. Как сказано, в июле 1866 г. Иванов был предан Верховному уголовному суду и осенью отправлен в сибирскую ссылку. Таким образом, он безусловно не мог принять участие в написании двух последних фельетонов цикла «Заметки деревенского жителя», опубликованных в «Искре». И это заставляет предполагать, что, кроме Слепцова и А. Иванова, был еще один, третий, автор цикла; может быть, он и переписал рукопись, хранящуюся в бумагах Слепцова.

л) Рассказ «Года полтора в городке N. N. в отдаленной улице...» в двух рукописях: черновой и белой (ед. хр. 193, лл. 8—22). Подпись: П. Ч — кий. Небольшие поправки в черновой рукописи сделаны рукой Слепцова; они учтены автором при переписывании рассказа набело.

Центральный герой — учитель Иван Никитич Левин, создавший в городке «самородную школу» (с свободной системой преподавания); ему чинят препятствия местные власти; приходится, к огорчению для учеников и родителей, закрыть школу и уехать из этого места.

Имя автора установить не удалось. Но в «Северной пчеле», 1863, № 199, от 27 июля, обнаружен нами рассказ за подписью П. Ч—ский «Фельдшер на два года», в котором главный герой тот же Иван Никитич Левин, «посланный в этот город фельдшером». Это, несомненно, то же самое действующее лицо: в рукописях, сохранившихся в бумагах Слепцова, есть такое место: «...Приехал в городок N. N. студент Медико-хирургической академии Левин, посланный сюда отслужить в качестве фельдшера стипендию». Доктор освободил его от обязанностей фельдшера и предоставил возможность заниматься любимым делом — учить детей.

м) Рассказ без заглавия и без подписи: «По необходимости нужно мне было...» (ед. хр. 193, лл. 23—33). Картины деревенской жизни, созданные не профессиональной рукой.

н) «Две революции» (из Louis Blanc). Черновой автограф (карандашом). Перевод с французского неизвестного лица (ед. хр. 197, лл. 1—66). Начало: «Из двух революций, которыми откроется спектакль, одна, означенная отпечатком Вольтера (*одержит легкую победу*), будет легко победоносною, почти настолько будет походить на праздник, как и на сражение; другая, происшедшая от Руссо, будет иметь только мрачное величие и пагубный конец...» (л. 2).

о) «Амурское дело». Копии документов по вопросу о снабжении Дальнего Востока продовольствием и товарами, переписанные и присланные декабристом литератором Д. И. Завалишиным (фамилия дана предположительно на обложке этого «дела» — ед. хр. 196, лл. 1—2): 1) отношение командира Амурского казачьего батальона Гузико (станция Екатерино-Никольская) 18 января 1860 г. доверенному Амурской торговой компании Перетолчину о бедственном положении батальона, не обеспеченного продовольствием; 2) рапорт военного губернатора Амурской области Н. В. Буссе временно командующему войсками Г. М. Кирсанову от 31 марта 1860 г. о снабжении мясом ссыльно-рабочих Николаевска и войск в Благовещенске; 3) отношение Главного управления Восточно-Сибирского казачьего отделения военному губернатору Иркутска и Иркутскому гражданскому губернатору о казачьих поселениях 11 марта 1855 г.; 4) письма-жалобы иностранных купцов на николаевское местное начальство, мешающее торговле (1859—1860 гг.).

В некоторых статьях Завалишина об Амуре, опубликованных в «Вестнике промышленности», внимание читателя привлекалось также к вопросу о торговле в этом крае («Новейшие известия о торговле на Амуре и замечания о действиях амурской компании». — «Вестник промышленности», 1859, т. IV, № 12; «Амур», гл. 2. «Торговля» — т. IV, № 10). Статьи Завалишина, в которых, в сущности, осуждалась экономическая политика правительства на Дальнем Востоке, вызывали различное отношение современных журналистов. Деятели «Современника» (см., например, Н. А. Добролюбов «Путешествие на Амур». — Добролюбов, т. IV, стр. 402—418) сочувственно ссылались на них (быть может, через сотрудников «Современника» материалы Завалишина попадали в печать, потому и «Амурское дело» оказалось в архиве «Современника»).

В «Иркутских ведомостях» и в «Морском вестнике» статьи Завалишина подвергались критике. «Следя внимательно за содержанием статей г-на Завалишина, прежде всего бросается в глаза читателя их цель, состоящая, по-видимому, в том, чтоб представить перед публикой все, относящееся до амурского дела — в самом неблагоприятном свете» («Морской сборник», XLVI, № 4. Перепечатка статьи анонимного автора, опубликованной в «Иркутских ведомостях», 1860, № 5 — «Заметки на статьи г. Завалишина об Амуре»).

п) В бумагах Слепцова есть обложка папки (размером в школьную тетрадь), на которой написано рукой Лескова: «Сведения и заметки. Nicolas Лесков» (ед. хр. 198, лл. 1—17). Трудно сказать, как она сюда попала. В папке находится план Москвы 1842 г. для московского адрес-календаря, составленного Карлом Нистремом; вырезки из французских газет «Journal des Débats» (май — июнь 1861 г.), фельетоны и театральные обозрения, под одним из них («La semaine dramatique») подпись известного французского критика-фельетониста Жюль Жанена. Здесь несколько страниц из книги В. И. Даля «Пословицы русского народа» (1862, стр. 250—252); листок из «Харьковских губернских ведомостей», январь 1865 г. (статья «Харьковская письменная и словесная старина», корреспонденция «Из Старобельска», публикация Г. Данилевским письма В. Н. Каразина к свящ. Фотиеву (2 мая 1802 г.); извещение о заседании Общества пособия бедным женщинам 13 марта (1866 г.) на квартире председательницы Общества кн. Ю. Ф. Куракиной (см. выше об ее письме к Слепцову от 9 марта 1866 г.). На заседании: отчет о деятельности комитета и проекты инструкций комитету и кружкам Общества. На двух листках, отпечатанных в университетской типографии (ценз. разр. Москва, января 25 дня 1864), перевод с греческого «Пророчеств» Агафангела (в Афинах переведено с иллирийского и издано в 1833 г.). Подпись: Славянин. Программа концерта (без даты) из произведений Мендельсона, Мейербера, Серова, Моцарта, Россини. Участники: Васильев I, Васильев II, Леонова, Комиссаржевский, Платонова и др. На одном листке Слепцов подсчитал свой литературный заработок в «Современнике» 1865 г. Воспроизведем его: «Заработано в 1865 г. — 11 л. 13 стр. Забрано 1150. Да состоял должником редакции 1014 — 23. Итого — 2164 р. 23 к.» (л. 17). Эта запись не полностью совпадает со счетом Слепцова в конторской книге редакции «Современника»; точнее, цифра дана здесь та же: 1014—23; общая же сумма расходится: в конторской книге значится 2264—23 (ИРЛИ, ф. 628, № 8, л. 154), по-видимому, Слепцов ошибся в расчете (на 100 р. в пользу редакции).